

ДРЕВНИЙ РИМ

УДК 94(38)09

doi 10.17072/2219-3111-2020-2-5-16

БОРЬБА ЗА URBS: ЮСТИНИАН И СЕНАТОРСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ РИМА

Е. С. Зайцева

Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

zajceva-evgeniya@list.ru

Анализируются цели и результаты пребывания в Константинополе римских сенаторов, бежавших туда после разграбления Рима готами в 546 г. Исследование опирается на сообщения Прокопия Кесарийского, *Liber Pontificalis*, а также акты V Вселенского собора. Утратив покровительство готских властей и опасаясь за свою собственность из-за боевых действий в Италии, римские аристократы искали способ сохранить свое доминирующее положение в городе. Отправившись в Константинополь, сенаторы рассчитывали убедить византийского императора выступить против готов и вернуть контроль над Римом, что позволило бы им возратить их привилегированный статус. Однако император Юстиниан I попытался использовать их приезд в своих целях. Правитель, занятый религиозными проблемами, заключил с римскими сенаторами соглашение, по которому те обязались принять участие в V Вселенском соборе и поддержать позицию императора в споре о Трех Главах, взамен аристократы получали обещание скорейшего отвоевания Италии у варваров. С использованием компаративного и историко-антропологического подходов прослеживается влияние военных действий в Италии и вынужденного переселения на Восток части сенаторов на угасание римского senatorial сословия. Делается вывод о том, что благодаря участию римских сенаторов в империи было достигнуто религиозное единство, что было важно для Юстиниана, который не имел поддержки западных политических и церковных лидеров. Однако надежды сенаторов на восстановление единоличной власти в Риме оказались тщетными, поскольку Юстиниан, отвоевав Апеннинский полуостров, оставил за собой управление бывшей столицей, что привело к окончательной утрате сенаторами прежней власти в Риме и в перспективе к закату римского senatorial сословия. После издания *Pragmatica sanctio* аристократы выступали в качестве посредников сначала между императором и церковью, а затем между церковными властями и мирянами уже в частном порядке.

Ключевые слова: поздняя Античность, Юстиниан I, римские сенаторы, senatorial аристократия, готско-византийские войны.

Тезис о присутствии в рядах римского сената богатых землевладельцев с сильным местным влиянием как основе могущества этого учреждения в течение IV–V вв. является общим местом в историографии еще со времени выхода работ А. Джонса и М. Арнейма [Arnheim, 1972, p. 143–154; Jones, 1964, p. 554–557]. Принято считать, что senatorial сословие Рима сохранило свое высокое положение и при правлении династии Амалов [Шкаренков, 2004, с. 127–185; Arnold, 2017, p. 113–126; 2014, p. 201–230; Barnish, 1988, p. 120–155]¹. Однако в середине VI в. обострение противоречий между готскими военачальниками и римским императором привело к активизации военных действий на полуострове, что не могло пройти бесследно как для простых жителей Италии, так и для аристократов. Целями статьи являются выявление влияния готско-византийских войн на положение senatorial сословия в Риме и определение характера взаимодействия главных сил переломной эпохи – senatorial сословия, императора, варваров и церкви – в середине VI в., когда нобили предприняли последнюю попытку сохранить *status quo* в Италии.

Положение сенаторов в Риме в начале VI в. выглядело стабильным и вполне благополучным. Эта стабильность была основана на господстве нескольких знатных фамилий при занятии

консулата и городской префектуры. Присоединяясь к мнению Ал. Кэмерона о невозможности строгого разделения сенаторских семей на два противостоящих друг другу блока [Cameron, 2012, p. 169–171], мы, тем не менее, не можем отрицать очевидного доминирования Дециев и Анициев в политических кругах Рима. Занимая ординарный консулат и городскую префектуру из поколения в поколение, они создавали династическую преемственность на этих постах. Одним из наиболее очевидных примеров такого постоянства является семья последнего западного консула и патриция Василия², происходившего как раз из могущественной семьи Дециев [Moorhead, 1984, p. 107–115]. В дополнение к Василию, консулу 463 г. [Martindale, 1980, p. 216–217, Fl. Caecina Decius Basilius 11], и его трем сыновьям, занимавшим консулат, – Василию младшему в 480 г. [Martindale, 1980, p. 217, Fl. Caecina Decius Maximus Basilius iunior 12], Венанцию в 484 г. [Martindale, 1980, p. 218, Decius Marius Basilius Venantius 13] и Децию в 486 г. [Martindale, 1980, p. 349, Caecina Mavortius Basilius Decius 2] – есть сведения о сыне (или внуке) Деция – Веттии Агории Василии Мавортции, консуле 527 г. [Martindale, 1980, p. 736, Vettius Agorius Basilius Mavortius 2], сыне Венанция – Василии Венанции, консуле 508 г. [Martindale, 1980, p. 1153–1154, Basilius Venantius iunior 5], и четырех сыновьях Василия младшего – Цецине Деции Фаусте Альбине, консуле 493 г. [Martindale, 1980, p. 51–52, (Faustus?) Albinus iunior³], Авиене, консуле 501 г. [Martindale, 1980, p. 193, Fl. Avienus iunior 3], Теодоре, консуле 505 г. [Martindale, 1980, p. 1097–1098, Fl. Theodorus 62], и Инпортуне, консуле 509 г. [Martindale, 1980, p. 592, Fl. Inportunus]. Василий Венанций, консул 508 г., был отцом Деция, консула 529 г. [Martindale, 1992, p. 391, Decius I], Паулина, консула 534 г. [Martindale, 1992, p. 973–974, (Decius) Paulinus I], и по крайней мере еще одного сына, имя которого не сохранилось, но который также занимал консулат⁴.

Такое превосходство семьи оказалось возможным благодаря брачному союзу детей Цецины Василия, консула 463 г., и Геннадия Авиена, консула 450 г. Согласно Сидонию Аполлинарию, Цецина Василий и Геннадий Авиен, патриархи двух могущественных семей Дециев и Корвинов, являлись наиболее влиятельными людьми в Риме середины V в. (Sidon. Apoll. Ep. I.9.2). Сидоний особо отмечает усилия Авиена по продвижению на службе своих сыновей и зятьев (Ibid. I.9.3). Они принесли плоды в конце V – начале VI в., когда два объединившихся посредством матримониальных связей клана фактически узурпировали консулат⁵.

Сам Василий занимал консулат на Востоке в 541 г. Это событие увековечено в консульском диптихе, неоднократно привлекавшем внимание исследователей [Delbrueck, 1929; Eastmond, 2010, p. 742–765; Cameron, Schauer, 1982, p. 126–145; Cameron, 2013, p. 174–207; 2012, p. 513–534; Age of Spirituality..., 1979, p. 47–48]. В нем полностью зафиксированы его титулы и должности: *Anic(ius) Faust(us) Albin(us) Basilius v(ir) c(larissimus) et in(l)ustris ex com(ite) dom(esticorum) pat(ricius) cons(ul) ord(inarius)*. Для инаугурации Василию пришлось посетить Константинополь, однако он недолго оставался в восточной столице и после своего избрания консулом в январе 541 г. возвратился в Италию⁶. Рим был местом, где поколениями проживал Василий и его семья. Он, должно быть, имел обширные владения в Италии, являвшиеся источником его богатства и власти. К тому же вслед за осадой Витигесом Рима в 537–538 гг. Велизарий смог стабилизировать ситуацию на полуострове, и в начале 541 г. положение там не выглядело слишком удручающим. Василий, как и другие аристократы, по-видимому, надеялся на дальнейшую помощь императора в войне против готов.

Относительное благополучие в Риме нарушилось в середине VI в., поскольку успехи византийских военачальников оказались временными. Новые упоминания о римских нобилях встречаются в источниках уже в связи с сюжетом о разграблении Рима Тотилой в 546 г. Взяв город, готский правитель вывез многих аристократов в Кампанию в качестве заложников, часть их укрылась в храмах Рима, но некоторым удалось бежать в Константинополь. О подробностях этих событий мы можем судить лишь на основании двух кратких свидетельств в *Liber Pontificalis*: «*Tunc quidam de senatoribus fugientes, Citheus, Albinus et Basilius patricii exconsules, ingressi sunt Constantinopolim et prestanti ante imperatorem adflicti et desolati. Tunc consolatus est eos imperator et ditavit eos, sicut digni erant consules Romani*»⁷ (Lib. Pont. LXI) – и у Прокопия Кесарийского: «*τῶν δὲ Πατρικίων Δέκιός τε καὶ Βασίλειος ζῆν ἑτέροις τισὶν <...> ζῆν τῷ Βέσσα φρυγεῖν ἰσχυσαν. Μάξιμος δὲ καὶ Ὀλύβριος καὶ Ὀρέστης, καὶ τινες ἄλλοι ἐς τὸν Πέτρου τοῦ ἀποστόλου νεῶν ἐφυγον*»⁸ (Proc. Caesar. De Bello Gothico. CSHB. Vol 2. P. 363).

Соотнесение названных сенаторов с конкретными личностями вызвало дискуссию в литературе. Прокопий называет среди бежавших «Цетега, Альбина и Василия», а в *Liber Pontificalis* указывается Деций, Василий и некоторые другие. Двое из названных персонажей могут быть установлены достаточно просто. Исследователи однозначно определяют Цетега как Руфия Петрония Никомаха Цетега, консула 504 г. [Martindale, 1980, p. 281–282, sv. Fl. Rufius Petronius Nicomachus Cetegus], патриция (примерно с 512 г.) и *caput senatus* с 545 г. Под Децием единогласно понимается патриций и консул 529 г. [Martindale, 1992, p. 391, Decius I].

Василий у Прокопия Кесарийского и в *Liber Pontificalis* явно должен обозначать одного и того же человека. Консулов и патрициев Василиев в конце V – начале VI в. было несколько. Это консулы 463 [Martindale, 1980, p. 216–217], 480 [Martindale, 1980, p. 217], 484 [Martindale, 1980, p. 218] и 541 гг. [Martindale, 1992, p. 174–175]. Однако по хронологии подходит только последний, которого звали Аниций Фауст Альбин Василий.

И, наконец, самым спорным и обсуждаемым персонажем является Альбин. Его идентификация довольно затруднительна. Во-первых, он должен быть экс-консулом и патрицием, аналогичным по статусу Цетегу, Децию и Василию. Аристократов, содержащих в своих именах *Albinus*, с конца V по начало VI в. (чтобы он мог быть еще жив к 546 г.), к тому же бывших консулов и патрициев, всего два.

Первый – Цецина Деций Фауст Альбин (Caecina Decius Faustus Albinus)⁹, консул 493 г. на Западе [Martindale, 1980, p. 51]. И еще один – Аниций Фауст Альбин Василий (Anicius Faustus Albinus Basilus), уже названный консул 541 г.¹⁰ Гипотеза, выдвинутая Г. Узенером и впоследствии поддержанная Ал. Кэмероном, заключается в том, что в тексте источника присутствует ошибка. По их мнению, вместо «*Citheus, Albinus et Basilus patricii exconsules*» следует читать «*Cethegus et Albinus Basilus patricii et exconsules*» [Usener, 1877, p. 7–8; Cameron, Schauer, 1982, p. 130–131]. Таким образом, якобы из-за оплошности переписчика один человек оказался принят за двоих, а в Константинополь бежали Цетег, консул 504 г., Деций, консул 529 г., и Альбин Василий, консул 541 г. Цецина Деций Фауст Альбин, согласно Ал. Кэмерону, не может быть названным в *Liber Pontificalis* Альбином, потому что к 546 г. он должен был быть мертв, поскольку *caput senatus* являлся Цетег¹¹.

Однако принятие Василия и Альбина за одного человека вызывает ряд возражений. Если не брать в расчет свидетельство *Liber Pontificalis*, везде его имя употребляется либо полностью – *Anicius Faustus Albinus Basilus*, как на его консульском диптихе, либо сокращенно – *Basilus* или *Fl. Basilus*, как в *fasti*, относящихся к его консулату (Marc. com. Addit. 541; Vict. Tonn.). Очевидно, имя *Basilus* являлось дикритическим¹². Ни в одном из источников Василий больше не упоминается как Альбин Василий, да и в *Liber Pontificalis*, если рассматривать текст источника без поправок Г. Узенера и Ал. Кэмерона, тоже.

Liber Pontificalis перечисляет всех сенаторов, покинувших Рим в декабре 546 г., называя их по одному из имен. Так почему для Василия было сделано исключение, и он был назван *Albinus Basilus*? Это можно допустить лишь в случае полного совпадения имени с именем другого сенатора этого периода, занимавшего достаточно высокие посты, чтобы возникла потребность отличать его от патриция и консула 541 г. Однако такового мы не встречаем ни в *fasti*, ни в каких-либо официальных документах. Но даже если допустить возможность того, что потребовалось отличать этого Василия, консула 541 г., от какого-то другого, близкого к нему хронологически высокопоставленного сенатора с идентичным именем, то почему так же не поступил Прокопий, приводя свой список? У него мы находим упоминание только о Βασίλειος (Proc. Caesar. De Bello Gothico. CSHB. Vol 2. P. 363), ни о каком Альбине Василии речи не идет.

Между тем, если принять тезис о том, что Василий и Альбин – два разных сенатора, вместе покидавших Рим после захвата его готами, то выходит, что под Альбином мы должны понимать Цецину Деция Фауста Альбина, патриция и консула 493 г. на Западе. Он действительно во всех источниках именуется *Albinus*: «*Albino v.i. patricio*» (Cass. Var. IV.30); «*patricii Albini*» (Cass. Var. IV. 41); «*Albinus iunior*» (CIL XI 4163).

Известно, что он был тем человеком, за которого вступился Боэций, когда Альбин был уличен в связях с восточным двором. Боэций сам сообщает об этом в своем сочинении: «*Ne Albinum consularem virum praeiudicatae accusationis poena corriperet, odiis me Cypriani delatoris opposui*»¹³ (Boeth. Cons. Phil. I. IV. 48). Боэция в итоге казнили¹⁴, однако о дальнейшей судьбе

Альбина *Anonimus Valesianus* ничего не сообщает, по крайней мере сведений о том, что он был казнен вместе с Боэцием, нет¹⁵.

Следовательно, можно предположить, что на самом деле главной фигурой, против которой и предполагалось дело, был Боэций, именно его стремился устранить Теодорих. Когда же Боэций был ликвидирован и потребность в Альбине отпала, последний остался в живых. В пользу того, что именно он в 546 г. спешно покидал Рим, есть еще одно косвенное свидетельство.

Вскоре после казни Боэция Теодорих отправил братьев Альбина – Теодора, консула 505 г., и Инпортуна, консула 509 года, – вместе с Папой Иоанном с важной миссией в Константинополь в 525 г. [Pietri, 1981, p. 453]. Поездка была связана с отстаиванием прав арианских церквей, поэтому в подобном мероприятии должны были принимать участие лишь доверенные лица. Как мог Теодорих отправить в это посольство родных братьев Альбина, недавно казнённого именно за тайную переписку с Юстином? Выходит, Теодорих отдавал себе отчет в том, что обвинения ложны или по крайней мере они не касаются Альбина, а значит, необходимости в его казни не было. К тому же, с учетом того, что *Anonimus Valesianus* выделяет сюжет о Боэции, описывая все подробности расправы, вероятно, смерть Альбина не могла выпасть из поля зрения автора [Козлов, 2011, с. 56–57]. Придерживаясь мнения о том, что Альбин, консул 493 г., остался жив после казни Боэция, можно допустить, что именно он впоследствии и принимал участие в победе.

Бесспорно, при такой трактовке нарушается принцип, согласно которому *caput senatus* должен быть человеком, который ранее других занимал консулат¹⁶. Однако можно предположить, что либо Альбин отказался от должности по какой-то причине, либо Теодорих смог повлиять на решение о назначении другого человека на этот пост¹⁷. Такая версия кажется более вероятной и логичной, чем предположение об ошибке переписчика или несогласованности в именах одного и того же человека, если мы принимаем версию Ал. Кэмерона. В любом случае Василий и Альбин должны были быть двумя разными людьми.

Таким образом, из тех сенаторов, которые названы по именам, в Константинополь устремились Цетег, Альбин, Василий и Деций¹⁸. Аристократы надеялись на помощь императора в скорейшем отвоевании Италии у готов и восстановлении там положения в том виде, каким оно было при Теодорихе. Король смог установить доверительные отношения как с народом, так и с сенатом и духовенством. Его приезд в 500 г. в бывшую столицу, чтобы отметить триумф и свое *ducennialia*, принес жителям Рима множество благодеяний. Теодорих произвел ремонт зданий, предоставил населению *annona*, устроил пышные игры и начал чеканку монет с легендой *Romanitas* и *Invicta Roma* [Arnold, 2017, p. 115–116]. После своего отъезда король поселил там представителей рода Амалов. В Риме проживала его мать Эреклева, сестра Амалафрида, племянник Теодахад, зять Эвтарих. Возможно, впоследствии Теодорих и сам неоднократно приезжал туда [Arnold, 2017, p. 118–122]. Помимо этих идеологически нагруженных действий сенаторы получили самое главное – они снова принимали участие в управлении государством. Представители сената доминировали при распределении высших гражданских должностей: занимали ординарный консулат, городскую префектуру и прочие должности ранга *inlustris* [Barnish, 1988, p. 120–155; Cracco Ruggini, 1981, p. 73–96].

Этого сенаторы искали снова, поэтому и отправились в Константинополь. Правда, перед этим они, по-видимому, попытались установить отношения с Тотилой. Не случайно еще зимой 545 г., когда Рим был уже осажден, но еще не взят, «у начальников императорского войска явилось подозрение в измене Цетега, патриция и первоприсутствующего (принцепса) римского сената. Поэтому Цетег удалился в Центумцеллы (Чивита-Веккиа)» (Proc. BG. III.13.12). До этого Тотила сам, по крайней мере два раза, посылал сенаторам письма (Proc. BG. III. 9.7–23). Сенат под давлением византийских военачальников отказался дать ответ на предложения Тотилы, а вот Цетег лично мог «прощупывать почву». Тем не менее они не пришли к договоренности, поэтому у сенаторов остался один выход – просить помощи у Юстиниана.

С одной стороны, ко времени прибытия сенаторов в Константинополь к середине VI в.¹⁹, в городе уже проживало множество представителей родовитой знати, в том числе римской [Чекалова, 1997, с. 61–140, с. 68–77]. Известно, что чуть ранее сюда переселился с Запада бывший приближенный Теодориха Кассиодор²⁰, правда, чувствующий себя «чужеземцем» среди гре-

ков [Уколова, 1989, с. 110–111]. Там же постоянно и довольно давно проживал римский патриций Либерий [Martindale, 1980, p. 677–681, Petrus Marcellinus Felix Liberius 3], служивший теперь Юстиниану. В столице Восточной империи находилось множество жителей Запада – людей, которые, подобно Кассиодору, покинули Италию, когда был разрушен их привычный образ жизни, сложившийся при правлении Амалов. Там же находились члены готской королевской семьи, подобные Амалафриду [Martindale, 1980, p. 152–153], провинциалы-карьеристы, как Юнилл, не знавший греческого языка, но занимавший должность квестора (Procop. Anecd. XX.17). Эти люди не только создавали «латинскую субкультуру»²¹ в Константинополе, но и одновременно играли достаточно весомую роль в политике. Например, Кассиодор, имевший опыт в установлении контакта с готами, вероятно, выступал в качестве посредника и помогал получить максимально возможную выгоду от политического союза Германа, брата императора Юстиниана, и Матасунты в 550 г. (Jord. Get. 81). Либерий, бывший префект претория Италии, а затем и Галлии, отправленный Теодахадом в Константинополь в 534 г. для объяснения императору обстоятельств убийства Амаласунты, предпочел не возвращаться обратно и с тех пор оставался на службе у Юстиниана²². В Восточной империи он играл значительную роль, отправившись в качестве префекта-августа Египта решать в провинции религиозные вопросы, а в 550 г. и вовсе командовал войском при освобождении Сицилии от готов. Однако ко времени прибытия римских беглецов Либерий должен был находиться в столице [O'Donnell, 1981, p. 66]. И римские аристократы не могли не надеяться на его посредничество в переговорах с Юстинианом. К тому же, кроме того, что Василий занимал консулат в Константинополе пять лет назад, вся его семья долго поддерживала тесные отношения с восточным двором. В 522 г., как упоминалось, его отца Альбина арестовали за предательскую переписку с Юстином, а в 525 г. два его дяди, Теодор, консул 505 г., и Инпортун, консул 509 г., сопровождали папу Иоанна в посольстве в Константинополь. Сам Василий вполне мог совершать поездки на Восток до 541 г., соответственно, он был хорошо известен в восточных придворных кругах.

С другой стороны, приток жителей Запада наверняка досаждал Юстиниану. Помимо конфликта с Тотилой и готами на западе начались военные действия с персами на восточной границе, со славянами – на северной, в которые был втянут император и которые требовали немало ресурсов (Proc. BG. III. 26.21–28). С просьбами о помощи с Запада к Юстиниану неоднократно обращались Рим и другие итальянские города. Сам Тотила требовал от императора признать за ним права, которые прежде имел Теодорих, и угрожал Юстиниану полным уничтожением Вечного города. Император, ознакомившись с требованиями послов, «тотчас же отослал их назад, ответив им только одно, а равно написав и Тотиле, что полномочным предводителем в этой войне является Велизарий, поэтому он имеет право обо всем договариваться с Тотилой, как найдет нужным» (Proc. BG. III. 20.25).

Существует мнение о том, что прибывшие в Константинополь римские сенаторы пользовались особым расположением императора [Bjornlie, 2012, p. 145]. Однако стоит отнестись критичнее к подобным сообщениям. С учетом политической ситуации более вероятно, что Юстинианом во взаимодействии с аристократами двигали исключительно прагматические побуждения, а фраза о том, что император «утешал и обогащал их, как подобает консулам Рима» (Lib. Pont. LXI), является скорее риторическим приемом. Вероятно, Юстиниан не торопился откликнуться на просьбы аристократов, иначе Цетегу не пришлось бы «настойчиво умолять императора» (Proc. BG. III. 35.9–10).

Прокопий отмечает, что «римский архиерей Вигилий с теми итальянцами, которые до тех пор были (в Византии), очень многочисленными и очень знатными, не переставал настойчиво умолять императора, чтобы он приложил все силы овладеть Италией. Больше всех настаивал на этом Цетег, патриций, много раньше получивший консульское кресло; из-за этого он сам недавно прибыл в Византию (548–549 гг.). Сказав, что он сам подумает об Италии, император большую часть времени проводил, занимаясь христианскими догматами, стараясь примирить встречающиеся там противоречия и весь отдавший этим вопросам» (Proc. BG. III. 35.9–10)²³. Таким образом, свидетельство Прокопия содержит указание на несколько другой тон общения сторон, менее благожелательный, чем в *Liber Pontificalis*. Это наводит на мысль о преувеличении благосклонности императора к сенаторской делегации. Прибытие западных аристократов

выглядело для Юстиниана дополнительной проблемой, и поэтому он, раздраженный настойчивостью их, особенно Цетега, ответил, «что сам подумает об Италии» (Proc. BG. III. 35.10).

Трудно сказать, с кем в Константинополе сенаторы поддерживали общение (кроме Юстиниана и делегации, в составе которой участвовали в споре о Трех Главах²⁴) и встретили ли одобрение своих действий, но они получили определенную поддержку, например, от Кассиодора, который сделал дружеский жест во вступлении к *Ordo generis Cassiodororum*, упоминая имя Цетега [Usener, 1877, p. 80].

Император же был полностью погружен в другие проблемы – обеспечение религиозного единства империи, установление мира на границах, стабилизацию обстановки в столице. И если при разрешении последних двух проблем он вряд ли мог воспользоваться присутствием западных сенаторов в Константинополе, то разрешению религиозной проблемы их прибытие могло способствовать.

Император-«богослов» в рассматриваемый период, с большим рвением вступая в религиозные диспуты, настаивал на двойственной природе Христа и пытался заставить халкидонитов перейти на свою сторону и тем самым объединить западную и восточную части империи в религиозном отношении. Юстиниан в 543–545 гг. написал трактат, где анализировал послания трех авторов – Феодора Мопсуестийского, Феодорита Кирского, Ивы Эдесского, подозревавшихся в несторианстве (так называемые Три Главы), и потребовал, чтобы они были осуждены на соборе в Константинополе, проходившем в мае – июне 553 г.

Решение поставленной задачи давалось императору сложно. Он принудил согласиться с осуждением большинство восточных богословов, однако западные римляне, находившиеся в Константинополе в середине VI в., не спешили становиться на сторону Юстиниана. И правителю приходилось «продавливать» свое решение. Для этого из Рима был вывезен папа Вигилий, поскольку Юстиниан полагал, что, лишившись поддержки своего окружения, папа скорее согласится с мнением императора²⁵. Приезд западных сенаторов, встреченный императором в соответствии с церемониалом, но без особого энтузиазма, оказался кстати. Они были вынуждены выступить в качестве переговорщиков с неуступчивым римским епископом в обмен на удовлетворение их просьбы и ускорение отвоевания Рима у готов.

Для Цетега, Василия и других аристократов такое решение вопроса могло оказаться оптимальным. Ведь они не рассматривали варианта навсегда покинуть Вечный город²⁶. Теодорих сам обычно приезжал в Рим, и сенаторы надеялись, что после завершения войн готские (или другие) правители снова начнут оказывать им должное уважение в их городе. Кроме того, у самих сенаторов должен был вызывать отторжение и тоску по своему недавнему прошлому тот контраст, который возникал при сравнении процветающего Константинополя с разрушенным Римом.

В итоге император согласно договору отправил Нарсеса в 551 г. в Италию (вскоре после того, как Цетег и другие аристократы впервые выступили на его стороне), дав ему денег из казны и войско и обязал сенаторов участвовать в переговорах с Вигилием. Таким образом, до завершения V Вселенского собора, прошедшего в мае – июне 553 г., они должны были находиться в Константинополе.

Самым деятельным в столице оказался Цетег, по крайней мере лишь его выделяют источники, называя по имени. Вероятно, Юстиниану в этом церковном конфликте были важны участие и поддержка именно *caput senatus*. Василия и Деция источники не упоминают, как и Альбина. Можно предположить, что последний умер либо в пути, либо уже по прибытии в Константинополь, поскольку ко времени побега он должен был находиться в почтенном возрасте. Да и допущение вероятности снятия его с должности *caput senatus* либо при Теодорихе, либо после него может быть объяснено состоянием здоровья пожилого сенатора. Василий и Деций, вероятно, держались рядом с Цетегом, но принимали участие в переговорах в качестве обычных сопровождающих, «группы поддержки»²⁷, либо не подписывали документов в отличие от Цетега, главы сената, поэтому по именам в документах не упоминаются.

Об участии Цетега в церковных баталиях в Константинополе есть несколько свидетельств, датируемых 550–553 гг. Это описание обстоятельств привлечения Цетега и других знатных римлян (видимо, и указанных сенаторов) Юстинианом для переговоров с папой Вигилием. Цетег выступил как свидетель клятвы папы Вигилия 15 августа 550 г. о том, что будет способ-

ствовать осуждению Трех Глав (Mansi IX. 363). Затем имя патриция Цетега фигурирует в письме Вигилия, датированном 17 августа 551 г., когда папа, сбежав из константинопольского заточения, низложил Феодора Аскиду и всех, принявших *Ομολογία της πίστεως* Юстиниана (Mansi IX. 357). В третий раз император привлек Цетега вместе с другими знатными гражданами для переговоров с папой в конце 551 – начале 552 г., когда Вигилий после бегства из Константинополя находился в Халкидоне (Mansi IX. 50). И еще два раза уже во время проведения Вселенского собора, 6 мая 553 г., Цетег входил в состав делегации, отправленной Юстинианом во дворец Плакидии, место пребывания папы Вигилия в Константинополе, чтобы уговорить последнего присутствовать на соборе (Mansi IX. 197). 14 мая 553 г. уже сам Вигилий призвал Цетега с другими переговорщиками, чтобы сообщить собору свою позицию по вопросу осуждения Трех Глав (Mansi IX. 347). Юстиниан использовал Цетега, как видно, в самые кризисные периоды переговоров, когда достижение договоренности с папой находилось под угрозой.

Таким образом, не имея должной поддержки, особенно среди католической аристократии Запада, Юстиниан постарался получить ее в обмен на скорейшее разрешение готской проблемы. Вероятно, это было спонтанным решением, а не заранее спланированной акцией. Император постарался извлечь для себя максимальную выгоду из сложившегося положения.

Когда сенаторы покинули Константинополь, точно неизвестно. Вероятно, это произошло после издания в 554 г. *Pragmatica sanctio*, установившей новый порядок управления Италией, но до 558 г., когда папа Пелагий писал Цетегу, находящемуся на Сицилии (Ер. 33), и обращался к нему как влиятельному гражданину: «*Cethego Patricio*» (Ibid.). Судя по письму, в котором Пелагий сообщает Цетегу о назначении им епископа в Катину взамен «*episcopo salubris electione iudicii fieri desiderastis, agnovimus*»²⁸ (Ibid.) и об устройстве церкви в Катине по примеру сиракузской, Цетег мог проживать в Катине или в Сиракузах. Пелагий размышляет о необходимости защиты церковной собственности, поскольку «*vel superstes uxor, aut filii per quos ecclesiastica solet periclitari substantia*»²⁹ (Ibid.). Этим обстоятельством он объясняет необходимость скорейшего назначения епископа. Кроме того, Пелагий обговаривает правила передачи имущества, чтобы «*nihil unquam per se, aut per filios, aut per uxorem, sive per quamlibet proprinquam, aut domesticam, vel extraneam forte personam, de rebus usurparet Ecclesiae; <...> nihil ultra id quod modo descriptum est, filiis suis vel haeredibus relicturus*»³⁰. Сохранение церковного имущества в Африке вызывало обеспокоенность правительства уже с 30-х гг. VI в. [Удальцова, 1953, с. 98–101]. Византийские власти были озабочены защитой интересов фиска, а также церкви. И, видимо, Пелагий обращался к Цетегу для того, чтобы уведомить того о вновь изданном распоряжении по этому поводу, поскольку либо Цетег должен был контролировать процесс наследования имущества, либо это послание относилось к защите его интересов как влиятельного гражданина и собственника. Однако, видимо, *ex caput senatus* не занимал никакой административной должности, а скорее выступал как частное лицо³¹.

Василий, консул 541 г., также должен был возвратиться в Италию примерно в одно время с Цетегом. Скорее всего именно ему адресовано письмо папы Григория Великого (Ер. IX.153), написанное в мае 599 г. [Prosopografia dell'Italia Bizantina..., 1996, р. 203, Basilius 16]. Григорий в письме, переданном картулярием Касторием, одобрил выступление Василия против Истрийской схизмы: «*igitur laudanda, quae agitis, qualiter vos contra Ilistricorum [Istricorum] scisma pro unitate ecclesiae*»³² (Ер. IX.153) – и побуждал его продолжать старания на этом поприще. Василий, обозначенный как «*magnitudo vestra*», противостоял истрийским схизматикам. Таким образом, спор о Трех Главах, лишь формально улаженный на V Вселенском соборе в 553 г., в Италии не встретил одобрения. Особенно активно итогам собора противились архиепископ Миланский и патриарх Аквилей. Этим неприятием политики Юстиниана было положено начало Истрийской схизме – конфликту с константинопольским патриархом группы епископов Северной Италии [Бородин, 2001, с. 131–134]. Василий же с одобрения и при поддержке Григория прикладывал усилия к тому, чтобы Милан и Аквилея перешли под управление папы Римского.

В послании также говорится о сыновьях экс-консула и патриция и об «*omnis domus vestra*» (Greg. Magn. Ер. IX.153). Однако точных сведений о его семье не сохранилось, кроме упоминания о некоем *vir clarissimus* Василии, участвовавшем в мирных переговорах с лангобардским правителем Агилульфом [Prosopografia dell'Italia Bizantina..., 1996, р. 203, Basilius

14]. Потомки Василия обосновались на северо-востоке Италии и продолжали принимать участие в урегулировании церковных вопросов так же, как и Цетег, частным образом.

Таким образом, интерес сенаторской аристократии Рима на последнем этапе ее существования заключался в восстановлении *status quo* в Италии. Аристократы, не сумевшие договориться с Тотилой из-за вмешательства восточных полководцев, бежали к восточному двору. При этом в противостоянии готов и византийцев они искренне не поддерживали ни одну из сторон, выступая в качестве третьей силы со своими интересами. В Константинополе и нобили, и Юстиниан выполнили свои обязательства: правитель отвоевал Италию, а сенаторы посодействовали императору в установлении религиозного перемирия. Но важно заметить, что Юстиниан пошел на «сделку» именно потому, что ее условия, видимо, заключали в себе лишь отвоевание территории, а не определение того, кто в итоге будет главенствовать в Риме. Император, славившийся хитростью, «переиграл» аристократов, отвоевав Апеннинский полуостров, в том числе Рим, для себя, а не для них.

Готско-византийские войны и установление новой административной системы означали перегруппировку сил в Италии. В течение VI в. сенаторское сословие постепенно утратило свою власть в Риме. Это вынуждало аристократов приспосабливаться к новым реалиям, когда в Вечном городе главными стали не они, а римский папа. Как следствие, нобили окончательно лишились своего положения в бывшей столице, поскольку альтернативы в виде епископата, как это было в Галлии, уже не существовало, а места в гражданском управлении городом от императора они не получили³³. Римские сенаторы ушли из Рима в провинции. Теперь аристократы выступали в качестве посредников сначала между императором и церковью, а затем между церковными властями и мирянами, действуя частным образом и не занимая никаких должностей. Возможно, они выступали, таким образом, в качестве патронов, следуя римским традициям. Этот процесс ознаменовал собой закат римского сенаторского сословия.

Примечания

¹ Фактически аристократы уже давно имели значительную власть не на всей территории Италии, а лишь в Городе, что было возможно только при одобрении готских правителей. С. Барниш, несмотря на утверждение о доминировании представителей аристократии на высших гражданских должностях, оговаривается, что это происходило при покровительстве варварских правителей. А «административное господство аристократии», установившееся, по его мнению, к 433 г., он сводит к господству нобилей при занятии ординарного консульства и префектуры Рима [Barnish, 1988, p. 120, 124].

² Частично его биография рассмотрена Ал. Кэмероном [Cameron, Schauer, 1982, p. 126–145; Cameron, 2012, p. 513–534].

³ В «PLRE» он обозначен как (*Faustus?*) *Albinus iunior* [Martindale, 1980, p. 51–52]. Однако скорее его имя следует читать как *Fl. Albinus*, то есть *Flavius Albinus*, см. [Bagnall et al, 1987, p. 520]. По поводу употребления *Flavius* в именах позднеантичных аристократов см. [Ibid., p. 36–40].

⁴ Восхваление Кассиодором Венанция, консула 508 г., в 533 г.: «*fecunda prole gaudentem et tot consularibus patrem ... tot protulit consulares ... tot meretur in filiis consulatus*» (Cass. Var. IX. 23.3–4) предполагает, что было более двух сыновей.

⁵ Такая политика стала результатом следования воспитательному канону позднеантичного аристократа, негласно принятому в сенаторской среде и способствующему, по выражению М. Зальцман, возникновению коллективной статусной культуры («*collective status culture*»), см. [Salzman, 2004, p. 4, 20–24].

⁶ Ал. Кэмерон предполагает, что Василий вместе с Велизарием отправились в Константинополь в качестве послов, чтобы передать Юстиниану поздравления и заверить императора в преданности, поскольку недавно Велизарий взял Равенну, см. [Cameron, Schauer, 1982, p. 131].

⁷ «Тогда некоторые из сенаторов, Цетег, Альбин и Василий, бывшие консулы и патриции, бежали и отправились в Константинополь и предстали перед императором в страданиях и опустошении. Император утешил и обогатил их, как подобает консулам Рима».

⁸ «Из патрициев же Деций и Василий с некоторыми другими <...> смогли бежать с Бессом. Максим же, Олибрий, Орест и некоторые другие бежали в храм апостола Петра».

⁹ Р. Багнелл называет его *Fl.*, в «PLRE» приводится имя *Faustus*, см. [Bagnall et al, 1987, p. 520; Martindale, 1980, p. 51].

¹⁰ Предположительно, они приходились друг другу отцом и сыном.

¹¹ По традиции *caput senatus* становился самый старший консуляр в сенате. Поскольку Цетег занимал консулат в 504 г., а Альбин – в 493 г., главой сената должен был стать Альбин.

¹² По поводу диакритических имен см. [Cameron, 1985, p. 171–177].

¹³ «А разве не навлек я на себя ненависть доносчика Киприана, стараясь освободить консуляра Альбина от наказания по заранее подготовленному обвинению?» (Boeth. Cons. Phil. I.4.14; пер. В.И. Уколовой).

¹⁴ «*Tunc Albinus et Boetius ducti in custodiam ad baptisterium ecclesiae. Rex vero vocavit Eusebium, praefectum urbis, Ticinum et inaudito Boethio protulit in eum sententiam. Quem mox in agro Calventiano, ubi in custodia habebatur, misere fecit occidi. Qui accepta chorda in fronte diutissime tortus, ita ut oculi eius creparent, sic sub tormenta ad ultimum cum fuste occiditur*» («Тогда Альбин и Боэций были отправлены под стражу в церковный баптистерий. Король же вызвал к себе Евсевия, префекта города Тицина, и, не выслушав Боэция, сообщил [префекту] о своем решении [в отношении арестованного]. Вскоре в местечке Кальвенциане, где [Боэций] находился в заточении, он был убит самым жестоким образом») (Anon. Val. 87).

¹⁵ В.И. Уколова ошибочно сообщает, что они оба были казнены, см. [Уколова, 1987, с. 40].

¹⁶ Цетег, *caput senatus* в 545 г., занимал консулат в 504 г., а Альбин – в 493 г.

¹⁷ Остается вероятность того, что бежал некий Альбин. Однако с учетом того, что он был экс-консулом, данные об этом должны были сохраниться в *fasti*. Полный список консулов второй половины V в. – 546 г. есть в сочинении Марцеллина комита, а также в *Chronicon Paschale*, *Fasti Heracliani* и *Chronicon Victor Tunnunensis*, и никаких Альбинов, кроме названных, там нет.

¹⁸ Некоторые исследователи называют это бегство «сенаторским посольством», см. [Mathisen, 2012, p. 237–238; Guiland, 1959, p. 271–293].

¹⁹ Когда сенаторы точно прибыли в Константинополь – неизвестно. Прокопий, описывая события 548–549 гг., говорит, что Цетег «совсем недавно прибыл в Византию» (Proc. III.35.10).

²⁰ Переезд Кассиодора в Константинополь датируется началом 540-х гг. – 547 г., см. [O'Donnell, 1979, p. 103–106; Martindale, 1980, p. 267–268].

²¹ Термин ввела А. Кэмерон, см. [Cameron, 1981, p. 183–186].

²² По утверждению Прокопия Кесарийского, именно Либерий дал Юстиниану непосредственный повод к войне (Proc. BG. V. 4. 24). После этого ни о каком возвращении на Запад речи не шло.

²³ Здесь отрывок из Прокопия Кесарийского приведен в переводе С.П. Кондратьева.

²⁴ Сенаторы находились в компании с другими знатными аристократами Константинополя – Велизарием, Петром, Юстином, Либерием, Патрицием, Константином.

²⁵ Поставление Вигилия на кафедру было совершено после договоренности с Юстинианом поддержать решение последнего об осуждении Трех Глав. Однако после избрания папа изменил свою позицию, полагая, что это подорвет авторитет римского престола.

²⁶ Даже сенаторы, уехавшие в IV в., не жили постоянно в Константинополе, а, отбыв срок должностных полномочий, возвращались в Рим, см. [Чекалова, 2011, с. 219–220].

²⁷ Во фразе «*per fratres nostros episcopos, id est, Joannem Marficanum et Iulianum Cingulanum vel Sapatum filium nostrum atque diaconum, nec non et per gloriosum virum patricium Cethegum, et religiosum virum item filium nostrum Senatorem, alioque filios nostrum*» («через отцов наших епископов, то есть Иоанна Марсикана и Юлиана Цингулана, или Сапата, сына нашего, а также диакона, равным образом, и через славного мужа патриция Цетега, и благочестивого мужа, а также сына нашего, Сенатора, и других сыновей наших») (Mansi IX. 357) в письме Вигилия Рустику может подразумеваться присутствие в компании Иоанна, Юлиана, Цетега, Сенатора, Сапата и других аристократов, в том числе Василия и Деция.

²⁸ «того епископа, которого верным выбором после обсуждения вы требовали назначить».

²⁹ «[от] находящейся там супруги или даже сыновей [мы узнали о том], что управляющий церковными делами имеет обыкновение подвергать опасности имущество [Церкви. – Е.З.]».

³⁰ «[никто] никоим образом когда-либо сам, или через сыновей, или супругов, или любого подобного, или частного, или, возможно, постороннего лица для дел не завладел бы [имуществом] Церкви; <...> ничего сверх того, [что] гарантия рассматривает, сыновьям своим или наследникам не [должны] намереваться предоставить».

³¹ В IV в. же один из предков Цетега, Секст Петроний Проб, выполнял подобные функции, занимая пост префекта претория, см. [Cracco Ruggini, 1988, p. 71–72].

³² «достойно похвалы, что [вы], так или иначе, побудили [выступление] против Истрийской схизмы, за единство церкви».

³³ Среди причин этого следует назвать наличие у византийцев своих более квалифицированных управленцев (в отличие от готского режима, когда Теодорих и Амаласунта таких администраторов не имели); установление системы экзархата, в которой гражданские и военные должности зачастую оказывались совмещенными (военные же функции римские сенаторы уже очень давно не исполняли и утратили соответствующую квалификацию); отсутствие доверия у византийцев к римским сенаторам после пребывания последних под готским правлением.

Библиографический список

Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб.: Алетей, 2001. 470 с.

- Козлов А. С. Социальный аспект информации «Анонима Валезия» // Античная древность и средние века. 2011. Вып. 40. С. 40–59.
- Удальцова З.В. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане // Византийский временник. 1953. № 6. С. 88–112.
- Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Уколова В.И. «Последний римлянин» Боэций. М.: Наука, 1987. 160 с.
- Чекалова А.А. Выходцы с Запада в ранневизантийском обществе // Российское византиноведение: Традиции и перспективы: Тез. докл. XIX Всерос. науч. сессии византинистов. М., 2011. С. 219–220.
- Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб.: Алетея, 1997. 339 с.
- Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М.: Б. и., 2004.
- Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century: Catalogue of the Exhibition at The Metropolitan Museum of Art, November 19, 1977, through February 12, 1978 / Ed. by K. Weitzmann. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1979. 736 p.
- Arnheim M.T.W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford: the Clarendon Press, 1972. 246 p.
- Arnold J.J. Theoderic and the Roman Imperial Restoration. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 340 p.
- Arnold J.J. Theoderic and Rome: Conquered but Unconquered // ANTIQUITÉ TARDIVE. 2017. № 25. P. 113–126.
- Bagnall R.S., Cameron A., Schwarts S.R., Worp K.A. Consuls of the Later Roman Empire. Atlanta: Scholars Press, 1987. 760 p.
- Barnish S.T.B. Transformation and Survival in the Western Senatorial Aristocracy, C. A. D. 400–700 // Papers of the British School at Rome. 1988. Vol. 56. P. 120–155.
- Bjornlie M.S. The Anicii between Rome, Ravenna and Constantinople // Politics and Tradition between Rome, Ravenna and Constantinople. A Study of Cassiodorus and the Variae, 527–554. Cambridge, 2012. P. 124–162.
- Cameron Al. Anician Myths // The Journal of Roman Studies. 2012. Vol. 102. P. 133–171.
- Cameron Al. Basilius and His Diptych Again: Career Titles, Seats in the Colosseum, and Issues of Stylistic Dating // The Journal of Roman archaeology. 2012. Vol. 25. P. 513–534.
- Cameron Al., Schauer D. The Last Consul: Basilius and his Diptych // The Journal of Roman Studies. 1982. №72. P. 126–145.
- Cameron Al. The Origin, Context and Function of Consular Diptychs // The Journal of Roman Studies. 2013. Vol. 103. P. 174–207.
- Cameron Al. Polyonymy in the Late Roman Aristocracy: The Case of Petronius Probus // The Journal of Roman Studies. 1985. Vol. 75. P. 164–182.
- Cameron Av. Rev. on «J.J. O'Donnell, Cassiodorus. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1979. Pp. vi + 303» // The Journal of Roman Studies. 1981. Vol. 71. P. 183–186.
- Cracco Ruggini L. Gli Anicii a Roma e in Provincia // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age, Temps modernes. 1988. T. 100, № 1. P. 69–85.
- Cracco Ruggini L. Nobilità romana e potere nell'età di Boezio // L. Obertello (a cura di). Atti Congr. Intern. di studi boeziani. Roma, 1981. P. 73–96.
- Delbrueck R. Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler. Studien zur spätantiken Kunstgeschichte, 2. Berlin; Leipzig, 1929. 295 S.
- Eastmond A. Consular Diptychs, Rhetoric and the Languages of Art in Sixth-century Constantinople // Art History. 2010. № 33. P. 742–765.
- Guilland R. Les patrices byzantins du VIe siècle // Palaeologia. 1959. №7. P. 271–293.
- Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. 2. Oxford: Basil Blackwell, 1964. 545 p.
- Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. AD 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 1355 p.
- Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 3. AD 527–641. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 1575 p.
- Mathisen R.W. Patricii, Episcopi, et Sapientes: le choix des ambassadeurs pendant l'Antiquité dans l'Empire romain et les royaumes barbares // Ambassadeurs et ambassades au coeur des relations diplomatiques.

- Rome – Occident médiéval – Byzance (VIIIe s. avant J.-C.–XIIIe s. après J.-C.) / Eds. A. Becker-Piriou, N. Drocourt. Metz, 2012. P. 227–238.
- Moorhead J. The Decii under Theoderic // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1984. Bd. 33, H. 1. S. 107–115.
- O'Donnell J.J. Cassiodorus. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1979. 303 p.
- O'Donnell J.J. Liberius the Patrician // *Traditio*. 1981. Vol. 37. P. 31–72.
- Pietri Ch. Aristocratie et société cléricale dans l'Italie chrétienne au temps d'Odoacre et de Théodoric // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité*. 1981. T. 93, № 1. P. 417–467.
- Prosopografia dell'Italia Bizantina (493–804) / Ed. S. Cosentino. Bologna, 1996. 547 p.
- Salzman M.R. The Making of a Christian Aristocracy. Social and Religious Change in the Western Roman Empire. Cambridge; London: Harvard University Press, 2004. 354 p.
- Usener H. Anecdoton Holderi: Ein Beitrag zur Geschichte Roms in ostgotischer Zeit // *Festschrift zur Begrüssung der XXXII Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner zu Wiesbaden*. Bonn, 1877. S. 295.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.01.2020

FIGHT FOR URBS: JUSTINIAN AND THE ROMAN SENATORIAL ARISTOCRACY

E. S. Zaitseva

Ural Federal University, Lenin ave., 51, 620000, Yekaterinburg, Russia
zajceva-evgeniya@list.ru

The article considers the goals and results of the stay of Roman senators, who fled after the capture of Rome by the Goths in 546, in Constantinople. The study is based on the reports of Procopius of Caesarea, *Liber Pontificalis* and acts of the Fifth Ecumenical Council. After they had lost the patronage of the Gothic authorities and began to fear for their property due to hostilities in Italy, Roman aristocrats were looking for a way to maintain their former dominant position in the city. Going to Constantinople, the senators hoped to convince the Byzantine emperor to oppose the Goths and regain control of Rome, which would allow them to take back their privileged status. However, Emperor Justinian I tried to use their arrival for his own purposes. The ruler was busy with religious problems. He made an agreement with senators, according to which they pledged to take part in the 5th Ecumenical Council and to support the emperor's position in the dispute over the Three Chapters. In return, the aristocrats received the promise of the speedy liberation of Italy from the barbarians. Using a comparative and historical-anthropological approach, the author traces the influence of military operations in Italy and the forced resettlement of some senators to the East on the extinction of the Roman senatorial *order*. Senators' hopes for the restoration of the emperor's individual rule in Rome turned out to be in vain. Having conquered the Apennine peninsula, Justinian retained control of the former capital. As a result, the senators finally lost their previous power in Rome and the Roman senatorial *order* fell into decay. After the publication of *Pragmatica sanctio*, aristocrats acted as mediators, first between the emperor and the church, and then between the church authorities and the laity privately.

Key words: late Antiquity, Justinian I, Roman senators, senatorial aristocracy, Gothic War.

References

- Arnheim, M.T.W. (1972), *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*, The Clarendon Press, Oxford, UK, 246 p.
- Arnold, J.J. (2014), *Theoderic and the Roman Imperial Restoration*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 340 p.
- Arnold, J.J. (2017), "Theoderic and Rome: Conquered but Unconquered", *Antiquité Tardive*, Vol. 25, pp. 113–126.
- Bagnall, R.S., Cameron, A., Schwarts, S.R. & K.A. Worp (1987), *Consuls of the Later Roman Empire*, Scholars Press, Atlanta, USA, 760 p.
- Barnish, S.T.B. (1988), "Transformation and Survival in the Western Senatorial Aristocracy, C. A. D. 400–700", *Papers of the British School at Rome*, Vol. 56, pp. 120–155.
- Bjornlie, M.S. (2012), "The Anicii between Rome, Ravenna and Constantinople", in Bjornlie, M.S. (ed.), *Politics and Tradition between Rome, Ravenna and Constantinople. A Study of Cassiodorus and the Variae, 527–554*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 124–162.
- Borodin, O.R. (2001), *Ravennskiy ekzarkhat: Vizantiysky v Italii* [Exarchate of Ravenna: Byzantines in Italy], Aletaya, St. Petersburg, Russia, 474 p.
- Cameron, Al. (1985), "Polyonomy in the Late Roman Aristocracy: The Case of Petronius Probus", *The Journal of Roman Studies*, Vol. 75, pp. 164–182.

- Cameron, Al. (2012), "Anician Myths", *The Journal of Roman Studies*, Vol. 102, pp. 133–171.
- Cameron, Al. (2012), "Basilus and His Diptych Again: Career Titles, Seats in the Colosseum, and Issues of Stylistic Dating", *The Journal of Roman archaeology*, Vol. 25, pp. 513–534.
- Cameron, Al. (2013), "The Origin, Context and Function of Consular Diptychs", *The Journal of Roman Studies*, Vol. 103, pp. 174–207.
- Cameron, Al., Schauer, D. (1982), "The Last Consul: Basilus and his Diptych", *The Journal of Roman Studies*, Vol. 72, pp. 126–145.
- Cameron, Av. (1981), "Rev. on «J.J. O'Donnell, Cassiodorus. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1979. Pp. vi + 303»", *The Journal of Roman Studies*, Vol. 71, pp. 183–186.
- Chekalova, A.A. (1997), *Konstantinopol' v VI veke. Vosstanie Nika* [Constantinople in the 6th century. Nika riots], Aleteya, St. Petersburg, Russia, 336 p.
- Chekalova, A.A. (2011), "Natives of the West in Early Byzantine Society", in *Rossiyskoe vizantinovedenie: Traditii i perspektivy. Tezisy dokladov XIX Vseros. nauch. sessii vizantinistov* [Russian Byzantine Studies: Traditions and Prospects. Abstracts of All-Russian scientific session of the Byzantinists], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 219–220.
- Cosentino, S. (1996), *Prosopografia dell'Italia Bizantina (493-804)*, Editrice lo Scarabeo, Bologna, Italy, 547 p.
- Cracco Ruggini, L. (1981), "Nobiltà romana e potere nell'età di Boezio", in Obertello, L. (ed.), *Atti del congresso internazionale di studi Boeziani (Pavia, 5-8 ottobre 1980)*, Herder, Roma, Italy, pp. 73–96.
- Cracco Ruggini, L. (1988), "Gli Anicii a Roma e in Provincia", *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age, Temps modernes*, T. 100, № 1, pp. 69–85.
- Delbrueck, R. (1929), *Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler*. Studien zur spätantiken Kunstgeschichte, 2, W. de Gruyter, Berlin, Leipzig, Germany, 295 s.
- Eastmond, A. (2010), "Consular Diptychs, Rhetoric and the Languages of Art in Sixth-century Constantinople", *Art History*, № 33, pp. 742–765.
- Guilland, R. (1959), "Les patrices byzantins du VIe siècle", *Palaeologia*, №7, pp. 271–293.
- Jones, A.H.M. (1964), *The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey*, Vol. 2, Basil Blackwell, Oxford, UK, 545 p.
- Kozlov, A.S. (2011), "The social aspect of the information of "Anonymous Valezia"", *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, № 40, pp. 40–59.
- Martindale, J. R. (1980), *The Prosopography of the Later Roman Empire*, Vol. 2. AD 395–527, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 1355 p.
- Martindale, J.R. (1992), *The Prosopography of the Later Roman Empire*, Vol. 3. AD 527–641, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 1575 p.
- Mathisen, R.W. (2012), "Patricii, Episcopi, et Sapientes: le choix des ambassadeurs pendant l'Antiquité dans l'Empire romain et les royaumes barbares", in Becker-Piriou, A. & N. Drocourt (eds.), *Ambassadeurs et ambassades au coeur des relations diplomatiques. Rome – Occident médiéval – Byzance (VIIIe s. avant J.-C.–XIIe s. après J.-C.)*, Presses universitaires de Lorraine, Metz, France, pp. 227–238.
- Moorhead, J. (1984), "The Decii under Theoderic", *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, Bd. 33. H. 1, pp. 107–115.
- O'Donnell, J.J. (1979), *Cassiodorus*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, USA, 303 p.
- O'Donnell, J.J. (1981), "Liberius the Patrician", *Traditio*, Vol. 37, pp. 31–72.
- Pietri, Ch. (1981), "Aristocratie et société cléricale dans l'Italie chrétienne au temps d'Odoacre et de Théodoric", *Mélanges de l'Ecole française de Rome*, Antiquité, T. 93, № 1, pp. 417–467.
- Salzman, M.R. (2004), *The Making of a Christian Aristocracy. Social and Religious Change in the Western Roman Empire*, Harvard University Press, Cambridge, London, UK, 354 p.
- Shkarenkov, P.P. (2004), *Rimskaya traditsiya v varvarskom mire. Flaviy Kassiodor i ego epoha* [Roman tradition in the barbarian world. Flavius Cassiodorus and his age], RGGU, Moscow, Russia, 270 p.
- Udal'tsova, Z.V. (1953), "The Byzantine government's policy in the North Africa under Justinian", *Vizantiyskiy vremennik*, № 6, pp. 88–112.
- Ukolova, V.I. (1987), *"Posledniy rimlyanin" Boetsiy* ["The last Roman" Boethius], Nauka, Moscow, Russia, 160 p.
- Ukolova, V.I. (1989), *Antichnoe nasledie i kul'tura rannego srednevekov'ya (konets V – seredina VII veka)* [The Antique Heritage and the Early Medieval Culture in Western Europe], Nauka, Moscow, Russia, 320 p.
- Usener, H. (1877), *Anecdoten Holderi: Ein Beitrag zur Geschichte Roms in ostgotischer Zeit. Festschrift zur Begrüssung der XXXII Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner zu Wiesbaden*, Georg Olms Verlag, Bonn, Germany, 295 s.
- Weitzmann, K. (1979), *Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century. Catalogue of the Exhibition at The Metropolitan Museum of Art, November 19, 1977, through February 12, 1978*, The Metropolitan Museum of Art, New York, USA, 736 p.
- Zaitseva, E. S. (2019), "Education in a late roman senatorial family: classical canon and cristian ideal", *HY-POTHEKAI. Zhurnal po istorii antichnoy pedagogicheskoy kul'tury*, № 3, pp. 173–199.